

*Наталья Тушикова, Анна Лукашук**

**НОРМАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ
В ОДИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА****

Исследователи характеризуют XVIII в. как качественно новый этап в развитии русского литературного языка (Флоровский 1960: 146; Wollman 1960: 65–67; Виноградов 1960: 4–5; Мавродин 1961: 3; Виноградов 1978: 154–155; Małek 1992: 41–47; Marzari R. 1999; Эгипти 2001: 103 и др.) и в формировании лингвистической традиции рассмотрения проблемы взаимодействия русской и славянской стихий, в результате которого различия между двумя родственными языками переросли в различия между стилями (Виноградов 1978: 174–175; Успенский 1985: 3–5; Вомперский 1988: 137). Филологические теории кодификаторов, осознавших необходимость консолидации элементов разногенетического источника в языке нового типа, сыграли важную роль в процессе упорядочения жизнеспособных средств, ограничения заимствований, архаизмов, в определении норм разных «штилей» и разработке канонов жанрово-стилевого размежевания текстов. Исследование приемов словоупотребления в творчестве кодификаторов XVIII в. позволяет рассмотреть проблему литературно-языковой преемственности в истории русского литературного языка, что в значительной степени может способствовать углублению представлений о процессе формирования языковой нормы (Винокур 1959: 138–139; Кожин 1989: 62–67; Живов, Успенский 1996: 504–505; Успенский 1997: 601–603; Горшков 2004: 100–101; Колесов 2004: 436–438; Семенов 2006: 356).

Языковые программы просветителей основывались на разных принципах. Так, А. П. Сумароков хорошо понимал бесперспективность устаревшей «славянщины» и говорил о необходимости простоты, ясности выражения, ориентации на повседневное, обыденное разговорное употребление образованных людей (Горшков 1988: 288; Живов 2007: 13–15). Свою позицию по вопросам нормализации языка высказывал В. К. Тредиаков-

* Волгоградский университет.

** Исследование проводится в рамках госбюджетной темы ГБ 1.4.05.

ский, который, выступая за сохранение высокого стиля (светской и духовной оды, трагедии), призывал следить за чистотой славенороссийского языка, использовать славянизмы в качестве стилистического средства речевой выразительности и экспрессии (Сорокин 1976: 51; Успенский 1976: 42–43; Успенский 1997: 602; Горшков 1982: 32–35; 1988: 283–284; 2003: 101–102).

Стройность лингвистических представлений М. В. Ломоносова, регламентация норм литературного языка на основе соотношения теории трех стилей и трех родов речений, при которой «славенский язык» рассматривался лишь как один из источников пополнения ресурсов единого «российского языка», а «осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков» (Ломоносов 1986: 425), определили четкие кодификаторские ориентиры и границы речетворчества во второй половине XVIII в.

В отличие от М. В. Ломоносова, Г. Р. Державин не ориентировался на разговорное употребление, а отталкивался от него и при этом использовал элементы церковнославянские и русские, книжные и разговорные. Как и М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин не поощрял заимствований из западно-европейских языков, но активно вводил «заимствования из простонародного быта» (Грот 1892: 110).

Теоретические установки филологов не совпадали с языковой практикой, так как ресурсы, обогащавшие русский язык, не вмещались в границы теории трех стилей (Виноградов 1938: 63). Наиболее заметно это в одах писателей XVIII в. Так, произведения А. П. Сумарокова включают яркие случаи сопряжения высокой и сниженной лексики в одном контексте. Например, воспевая такое человеческое качество, как стойкость, которую надо сохранять при всех духовно-нравственных испытаниях, автор пишет: «Злодеи плоть мою сожрать Всей силой устремлялись, И невозможши мя попрать, Упали, истомлялись» (Сум. Ода дух. III: 32)¹. В приведенном фрагменте обращает на себя внимание употребление лексических единиц *попрать*, *истомлялись*, *сожрать*, которые представляют собой полярные в стилистическом отношении глаголы. *Попрать*, *истомляться* – славянизмы; первый имеет переносное значение «уничтожить, презрительно поступить» (САР IV: 112); в синонимическом ряду *попрать*, *потоптать*, *наступить* эта лексема выделяется высокой, книжной окраской (ВЛ 1731: 690). *Истомляться* в значении «мучиться, испытывать тягость» (САР VI: 169) в синонимическом ряду *утомляться*,

¹ В работе использованы материалы Картотеки словаря русского языка XVIII, хранящиеся в словарном отделе ИЛИ РАН в Санкт-Петербурге. При цитировании в скобках указывается автор и страница сочинения.

истомляться, *уствовать* характеризуется как высокий, церковнославянский глагол. Вульгарный в стилистическом отношении *сожрать* имеет в словарях помету «просторечное» (САР II: 1194; ССЕ I: 323); слово является низким, «презренным», по терминологии М. В. Ломоносова. Подразумеваемая под злодеями своих врагов, А. П. Сумароков обозначает их действия с помощью разной по экспрессивно-эмоциональной и функционально-стилевой окраске лексики, используемой в переносно-аллегорическом смысле.

Теоретические установки, определяющие творчество писателей XVIII в., часто являлись причиной полемики по поводу того или иного словоупотребления в поэтических текстах. В частности, А. П. Сумароков (1978: 125–126), неоднократно выступающий с критикой од М. В. Ломоносова (Живов 2002: 628–630), отмечал использование вульгарного, по его мнению, глагола *чудиться* в «Оде на день восшествия на престол Елизаветы Петровны 1747 г.»: «С трепетом Нептун *чудился*, Взирая на Российский флаг» (Лом. ЕП. VIII: 131). Следует отметить, что позже были последователи М. В. Ломоносова, которые считали правомерным включение подобных глаголов в одический контекст и не квалифицировали это как нарушение целостности жанра (Клейн 2005: 425): «Твоя дела, во свете громки, Чудяся будут честь потомки», – писал В. И. Майков в оде 1770 г. на взятие турецкой крепости Бендеры (Майк. ОБ, 216–219). Общеславянский глагол *чудиться* в словаре XVIII в. не имеет помет (САР VI: 832), однако в лексикографической практике XIX в. он маркируется как церковное слово в значении «приходить в удивление, дивиться» (СЦРЯ 2, 445). Отрицательно оценивались и другие случаи употребления славянизмов современниками М. В. Ломоносова, например, употребление глагола *бряцать*: «О коль согласно там *бряцает* Приятных струн сладчайший глас» (Лом. ЕП. VIII, 133). Критикуя собрата по перу, А. П. Сумароков утверждал, что «бряцает и бренчит есть слово самое подлое» (Сумароков 1978: 126). Это субъективное отношение писателя не совпадает с оценкой слова в языке XVIII в.: Словарь Академии Российской определяет глагол *бряцать* как славянизм (САР I, 364), т.е. речение, свойственное высокому слогу (Ломоносов 1986: 424), а следовательно – правомерное для употребления его в текстах одического жанра.

Необходимо сказать о том, что М. В. Ломоносов сам неоднократно нарушал каноны своей теории трех «штилей». Например, в разных фрагментах оды «На день восшествия на престол Елизаветы Петровны 1747 г.» частотны случаи нарушения классицистического принципа соответствия материи, стиля, рода речения и жанра, например: «Науки юношей питают, Отраду старым подают, В счастливой жизни украшают, В несчастной случай берегут, В домашних трудностях утеха, И в дальних странствах не помеха. Науки пользуют везде: Среди народов и в пустыне, В градском

шуму и на едине, В покое сладки и в труде» (Лом. ЕП. VIII: 133). В приведенном контексте автор, в рамках высокого жанра оды, употребляет «род речения», свойственный среднему стилю, применительно к высокому предмету речи. М. В. Ломоносов использует слова «у древних славян и ныне у россиян общеупотребительные» в сочетании с некоторыми «речениями славенскими, в высоком штиле употребительными с великой осторожностью, чтобы слог не казался надутым» (Ломоносов 1986: 424). Например, в строке *науки юношей питают* наблюдается вразумительный славянизм (САР VI: 1013): поэт соотносит предмет рассуждения «науки» с церковнославянским глаголом *питать*, т.е. «способствовать к усовершенствованию разума, к просвещению» (САР VI: 819–820). Используя в рамках одного словосочетания *в градском шуму* высокое слово – церковнославянизм с неполногласием *градской* (САР II: 295), М. В. Ломоносов соединяет его с общеславянским существительным в разговорной форме с окончанием на -у (*шуму*), что характерно для низкого стиля; тем самым поэт разрушает классицистические каноны. Наличие в одном контексте бытовых слов *утехи, пользоваться, помеха, домашние трудности* и др. и книжных слов *пустыня, на едине, странства, отрада* и др. подтверждают сказанное.

Совершенно особое явление для изучения формирования русского литературного языка, как отмечает Г. П. Курточкина (1976: 78–79), представляет собой творчество В. К. Третьяковского. В произведениях поэта наблюдается свободное объединение различных стилистических средств (Вомперский 1988: 118; Сорокин 1976: 53; Горшков 2003: 101). Например, в новаторской оде «Вешнее тепло», которая является первой русской пейзажной одой, одновременно аллегорически прославляющей заслуги Петра I и его дочери Елизаветы Петровны, Россия уподобляется цветущему саду, «Северному Эдему»; автор пишет: «Там кароводы, в тишь погод, плясанием своим красятся; Там инде песенки гласятся; Безвинных много там выгод!» (Трд. Вешн. тепло, 472). Приведенный фрагмент включает употребление слов разногенетического источника в одном контексте: славянизма – *гласиться* (САР II: 75–76); сложного слова *хоровод*, в котором один из корней *хор-* является заимствованием из греческого *χορός* «групповой танец» (ЭСРЯ IV: 264; САР VI: 576) и представлен в не до конца освоенном фонетическом варианте, а другая корневая морфема является общеславянской; наблюдается использование просторечного существительного *плясание* (САР VI: 935), образованного по книжной модели на *-ние*, но для обозначения конкретного действия (САР IV: 936; СЦРЯ II: 233); поэтической лексики *красятся* от глагола *красоваться*, употребляемой «по большей части в стихотворстве» (САР III: 911). Кроме того, обращает на себя внимание индивидуально-авторское употребление формы родительного падежа множественного числа существительного

погода, что не является грамматически корректным, и родительного падежа множественного числа от слова *выгода* для создания поэтической рифмы.

Разрушение канонов трех стилей связано с именем Г. Р. Державина. Поэт писал о себе: «Первый я дерзнул в забавном Русском слове О добродетелях Фелицы *возгласить*, В сердечной простоте *беседовать* о Боге, И истину царям с улыбкой *говорить*» (Држ. Соч. I: 320). Уже в приведенном высказывании соединены различные по стилистической окраске слова – славянизмы *дерзнул*, *возгласить* (СРЯ XVIII VI: 108; III: 286), книжные слова и выражения *Бог*, *истина*, *царям*, нейтральные *беседовать*, *говорить*, *сердечная простота*, *о русском слове*, *о добродетелях*. Представленный в контексте градационный ряд *возгласить* – *беседовать* – *говорить* построен на основе общего семантического признака «осуществление речевой деятельности». Глагол с церковнославянской приставкой и церковнославянским неполногласием *возгласить* используется Г. Р. Державиным для характеристики высокой материи – *добродетелей Фелицы*, под именем которой поэт имел в виду императрицу Екатерину II; *беседовать* употребляется по отношению к высокому предмету речи – Господу, но используется в интимно-дружеском смысле, на что указывает обстоятельство образа действия, характеризующее общение с Богом: *в сердечной простоте*, т.е. «чистосердечно, легко, непринужденно» (САР IV: 1093). Нейтральный глагол *говорить* употребляется для характеристики возвышенного предмета речи *истина*, но представлен в контексте в составе словосочетания *говорить с улыбкой*, имеет значение «наставлять, давать советы, отстаивать правду, но приветливо, с расположением». В приведенном высказывании появляется позиция «двойной актуализации», поскольку, говоря о себе, Г. Р. Державин совмещает конкретный и обобщенный смысл, проецируя сказанное не только на себя, но и других поэтов (Лопушанская, Тупикова 1993: 81–83; Тупикова 1988: 73).

Проанализированный материал свидетельствует о том, что нормативно-стилистические установки в языке XVIII в. предполагали строгое соблюдение принципов классицизма. Кодификаторская деятельность, с одной стороны, отвечала потребностям общества, развивая новые принципы поэтики текста, соответствовала тенденциям формирования общерусского языка нового типа, в котором могли сосуществовать разные по окраске элементы как стилеобразующие средства. С другой стороны, выявленное новаторское использование элементов разногенетического источника в текстах высокого жанра од, сопряжение в одном контексте слов книжных, высоких и низких, «презренных», разрушение принципа соответствия материи, жанра, стиля и рода предложения свидетельствуют о процессе обогащения языка, о перестройке системы стилей и, как следствие, о выработке новых приемов словоупотребления, которые связаны с главенствующей ролью в тексте образа автора. Названные процессы способствовали разрушению канонов одического жанра и классицизма в поэзии XVIII в.

ИСТОЧНИКИ

- Држ. Соч. I** – *Сочинения* Г. Р. Державина, Санкт-Петербург, 1808, ч. 1–4.
- Лом. ЕП VIII – М. В. Ломоносов**, *Ода на день возшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года*, [в:] *Собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова*, ч. 1, Санкт-Петербург, 1840, с. 128–140.
- Майк. ОБ – В. Майков**, *Ода ее Величеству Екатерине Второй на взятие Бендер войсками под предводительством генерала графа Панина, 1770 года, сентября дня*, [в:] **В. Майков**, *Избранные произведения*, Москва–Ленинград 1966.
- Сум. Ода дух. III – А. П. Сумароков**, *Оды и другие духовные сочинения и переложения*, [в:] А. П. Сумароков, *Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, Александра Петровича Сумарокова*, Собраны и изд. Николаем Новиковым, 2-е изд., ч. 1, Москва 1787.
- Сум. Оды – А. П. Сумароков**, *Оды торжественные. Оды разные*, [в:] **А. П. Сумароков**, *Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, Александра Петровича Сумарокова*, Собраны и изд. Николаем Новиковым, 2-е изд., ч. 1, Москва 1787.
- Трд. Вешн. тепло – В. К. Тредиаковский**, *Вешнее тепло. Ода*, [в:] *Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие*, ч. 1. Санкт-Петербург 1756, с. 469–477.

СЛОВАРИ

- ВЛ 1731** – Вейсман Э., *Немецко-латинский и русский лексикон*, Санкт-Петербург 1731.
- САР** – *Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный*, Санкт-Петербург 1789–1794. Репр. Изд., т. 1–6, Москва 2001–2005.
- СРЯ XVIII** – *Словарь русского языка XVIII века*, вып. 1–6, Ленинград 1984–1991.
- ССЕ** – *Словарь синонимов русского языка*, т. I, II. Гл. ред. А. П. Евгеньева, Ленинград 1970–1971.
- СЦРЯ** – *Словарь церковнославянского и русского языка*, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук, репр. Изд.: в 2-х кн., кн. I–II, Санкт-Петербург 2001.
- ЭСРЯ** – Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, т. I–IV, Москва 1986–1987.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В.** (1938), *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.*, Москва.
- Виноградов В. В.** (1960), *Некоторые вопросы и задачи изучения истории русского литературного языка XVIII века*, [в:] *Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени*, Москва, с. 3–6.
- Виноградов В. В.** (1978), *О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв.*, [в:] **В. В. Виноградов**, *Избранные труды: История русского литературного языка*, Москва, с. 152–177.
- Винокур Г. О.** (1959), *Русский литературный язык во второй половине XVIII века*, [в:] **Г. О. Винокур**, *Избранные работы по русскому языку*, Москва, с. 138–161.
- Вомперский В. П.** (1988), *Риторика в России XVII–XVIII в.*, Москва.

- Горшков А. И.** (1982), *Язык предпушкинской прозы*, Москва.
- Горшков А. И.** (1988), *Русский язык*, [в:] *Очерки русской культуры XVIII века*, ч. 3, Москва, с. 268–301.
- Горшков А. И.** (2003), *Василий Кириллович Тредиаковский (К 300-летию со дня рождения)*, „Русский язык в школе”, № 2, с. 99–105.
- Горшков А. И.** (2004), *А. С. Шишков и его «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» (К 250-летию со дня рождения)*, „Русский язык в школе”, № 1, с. 99–102.
- Грот Я. К.** (1982), *Материалы для изучения поэтической деятельности Державина. Характеристика Г. Р. Державина*, [в:] **Г. Р. Державин, Избранные сочинения**, Санкт-Петербург, с. 99–121.
- Живов В. М.** (2002), *Разыскания в области истории и предистории русской культуры*, Москва.
- Живов В. М.** (2007), *Язык и стиль А. П. Сумарокова*, „Русский язык в научном освещении”, № 1 (13), с. 7–51.
- Живов В. М., Успенский Б. А.** (1966), *Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века*, [в:] *Из истории русской культуры, том IV (XVIII – начало XIX века)*, Москва, с. 449–536.
- Клейн И.** (2005), *Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века*, Москва.
- Кожин А. Н.** (1989), *Литературный язык допушкинской России*, Москва.
- Колесов В. В.** (2004), *Слово и дело: Из истории русских слов*, Санкт-Петербург.
- Курточкина Г. П.** (1976), *Ода «Вешнее тепло» В. К. Тредиаковского*, [в:] *Венок Тредиаковскому*, Волгоград, с. 75–79.
- Ломоносов М. В.** (1986), *О пользе книг церковных в российском языке 1758 г.*, [в:] **М. В. Ломоносов, Избранная проза**, сост. предисл. и коммент. В. А. Дмитриева, Москва, с. 421–426.
- Лопушанская С. П., Тупикова Н. А.** (1993), *Текстообразующая функция глагольной лексики в поэзии Г. Р. Державина*, [в:] *Г. Р. Державин: личность, творчество, современное восприятие: Тезисы Международной научной конференции*, Казань, с. 81–83.
- Мавродин В. В.** (1961), *Экономические предпосылки складывания русской нации*, [в:] *Начальный этап формирования русского национального языка*, Ленинград, с. 3–11.
- Семенов П. А.** (2006), *Взаимодействие слова и формулы в высоком слоге русского литературного языка XVIII – начала XIX века (на материале соматизмов)*, [в:] *Грани русистики: Филологические этюды: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора В. В. Колесова*, Санкт-Петербург, с. 355–366.
- Сорокин Ю. С.** (1976), *Стилистическая теория и речевая практика молодого Тредиаковского (Перевод романа П. Тальмана «Езда на остров любви»)*, [в:] *Венок Тредиаковскому*, Волгоград, с. 45–54.
- Сумароков А. П.** (1978), *Критика на оду*, [в:] *Русская литературная критика XVIII века*, Москва, с. 124–126.
- Тупикова Н. А.** (1988), *Функции глагольной лексики в форме инфинитива в русской демократической публицистике середины XIX в.*, Торунь.
- Тредиаковский В. К.** (1963), *Избранные произведения*, Москва–Ленинград.
- Успенский Б. А.** (1976), *Тредиаковский и история русского литературного языка*, [в:] *Венок Тредиаковскому*, Волгоград, с. 40–44.
- Успенский Б. А.** (1985), *Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни*, Москва.

- Успенский Б. А.** (1997), *Доломоносковский период отечественной русистики: Адодуров и Тредиаковский*, [в:] *Избранные труды*, т. III, *Общее и славянское языкознание*, Москва, с. 601–627.
- Флоровский А. В.** (1960), *Русская книга Петровского времени*, „SLAVIA. Časopis pro slovanskou filologii”, Praha, Ročník XXIX, Sešit 1, с. 145–158.
- Эгипти И. А.** (2001), *Функционирование причастных оборотов в русском литературном языке второй половины XVIII в.*, [в:] *Русская историческая филология*, Петрозаводск, с. 103–110.
- Małek E.** (1992), *«Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков*, Warszawa–Łódź.
- Marzari R.** (1999), *Die Entwicklung des historiographischen Stils im Vergleich zum literarischen bei Lomonosow, Karamzin und Puschkin*, München.
- Wollman S.** (1960), *Situace slovanského dramatu a divadla na prahu XVIII. Století*, „SLAVIA. Časopis pro slovanskou filologii”, Ročník XXIX, Sešit 1, с. 65–75.

Natalia Tupikova, Anna Lukaschuk

STYLISTIC NORMATIVE AND FUNCTIONAL CHARACTERISTIC OF LEXIS IN THE XVIII CENTURY

The report focuses on the issue – representation of normative stylistic codifications of the XVIII cen. in the works by A. P. Sumarokov, V. K. Trediakovsky, M. V. Lomonosov, G. R. Gerzhavina.

The study of language patterns typical of elevated ode-style gives the opportunity to uncover the potentials of affective language means and their improvement, to reveal the environment for alterations and demolition of ode genre canon (the coordination between the matter, style, type of speech and literary genre) in the poetry of classicism, to elicit lexical means that will later gain the status of functional normative in the belles-lettres style.